

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Культура. — 1994. — 13 авг. — с. 2.
**Возвращение
неблудного сына**

Александр Исаевич Солженицын возвратился в Россию. Выдворен он был из СССР. Сейчас идет газетное ликование. А мы просто радуемся возвращению нашего соотечественника, как когда-то в детстве радовались возвращению фронтовиков с войны. Это возвращение неблудного сына, ибо он не лизал сытое блюдо Америки, а трудился. И я приветствую его в первую очередь, как труженика, как великого труженика. Столько написать мог только настоящий труженик, так написать мог только настоящий писатель.

Писатель Солженицын вошел в мой дом густым запахом тюремной параша, что, конечно, нам, привыкшим к совсем другой литературе, понравилось не особо. Но Иван Денисович был честный человек, а никакой не преступник. Об этом мастерски поведал писатель, значит, и писатель — честный человек, что тоже стало редкостью. А закрытых тем для писателя быть не может — не нравится, не читай.

Большевики обижаются на Солженицына совершенно зря. «Красное колесо» должно стать их настольной книгой, ибо ни в какой другой книге, включая даже «Историю КПСС», не показано так убедительно, почему большевики победили. Ни у одной партии не было такой партитуры и не было таких аранжировщиков. И в запломбированном вагоне, наконец, приехал не один Ленин. Он привез свой оркестр, которым мастерски дирижировал. Мы видим, что Керенский уступает Владимиру Ильичу во всем. Выглядит каким-то случайным человеком. Гибель царской семьи и на его совести. Керенский обязан был наказать царя за кровавое воскресенье вплоть до расстрела, но семья царя тут ни при чем. Все валить на Ленина нехорошо, тем более что сейчас он не может себя защитить.

Но Солженицын высказывает свое мнение — и это его право. Однако ведь Ленин — это не только личность, поступки, но еще и огромное теоретическое наследие, которым

господа капиталисты прекрасно воспользовались. Они принялись лечить болезни, которые увидел у них Владимир Ильич. И сегодня капитализм процветает. Он коммунистичнее наших колхозов, совхозов, акционерных обществ. Капиталисты не издеваются над коровами, землей, бережно относятся к средствам производства, лучше обеспечивают рабочих и членов их семей.

С оценкой, данной А. Солженицыным Александру Трифоновичу Твардовскому, я тоже не согласен. Образ Василия Теркина ярче и выше даже былинных богатырей, такого героя нет даже у Пушкина. Лишь Татьяна Ларина может соперничать с ним по силе характера, по целостности натуры, по преданности.

Бывает, когда белое кажется черным, черное — белым. Но есть другой Солженицын, который искренне скорбит у гроба Александра Трифоновича. Я верю этому Солженицыну. Твардовский же отдал жизнь литературе и писателям, в том числе и Ивану Денисовичу, и Александру Исаевичу, и всем нам, читателям. Поклонимся ему еще раз.

Мы все очень хорошо научились ругаться. Газетчики так преуспели, что заткнули за пояс базарную брань. Сколько ругали Александра Исаевича — это уму непостижимо. Пора извиниться за содеянное зло. Правда, повод для возмущения давал иногда и сам писатель. Например, подвергая сомнению тот факт, что Михаил Шолохов является автором «Тихого Дона», Александр Исаевич проявляет себя, как последовательный марксист. Не надо так ополчаться и озлобляться. Даже было бы хорошо, что у нас не один Шолохов, а несколько, но этого доказать никому не удалось. Теперь за Михаила Александровича и его творение можно быть спокойным: уж, если не доказал Солженицын, то не докажет никто!

Солженицын сразу, вступив на землю нашей многострадальной Руси, включился в ее повседневную жизнь, в ее за-

боты. Было бы очень хорошо, если б он помог увековечить великие образы своих тезок Александра Сергеевича Пушкина и Александра Трифоновича Твардовского. Помог открыть музей Пушкина в поселке Лотошино, недалеко от которого я живу, и памятник Твардовскому и Теркину в Москве. Проекты их у меня есть.

Пока же только глумятся над памятью великих поэтов, искажают их творчество, вытравляют их произведения из памяти народной. Все пекется о возрождении России, а на самом деле уничтожают ее остатки, ликвидируют музеи, сносят деревни, не издадут классиков.

Вот у нас, например, проводится праздник: День района в парке культуры и отдыха. Мероприятия идут с утра до ночи, подготовка начинается за две недели. Праздник прошел. Все довольны: наелись, напились, навеселились. Но парк... Он мертв: вы не услышите в нем ни пения птиц, ни стрекотания кузнечиков, не увидите полета стрекозы или пчелы. Травяной покров уничтожен мощными грузовиками. Даже столичных артистов подвозили на все отравляющих автобусах прямо к эстраде. Какая дикость! А газета взахлеб хвалит администрацию. Администрация думает, что она совершила подвиг во имя народа. Смешно и грустно. То же повторяется и в последующие праздники. От уникального парка, помнящего Пушкина, ничего не остается. Как его защитить, когда никто ничего и слышать не желает? Вот и школьный музей, который создавали, работая по вечерам, ученики-краеведы, разграбили, и мою мастерскую громят систематически.

Приезжайте, уважаемый Александр Исаевич, в деревню Монасеино. Я покажу вам свой Малый Лувр: скульптуру, живопись, графику. Дорога к нам не близкая, но очень интересная — Красногорск, Воскресенск, Дубосеково, Волоколамск, Кашино, Ярополец, Лотошино, Марково, Микулино-Городище, рядом Старица и все пушкинские места Тверского края. Приезжайте! Эта поездка обогатит вас и придаст еще больше сил, которые вам необходимы.

Борис ЖИВОТОВ.

д. МОНАСЕИНО,
Московская область.